

В 1873 году в журнале “Русский вестник” началась публикация романа Льва Толстого “Анна Каренина”. Довольно быстро он получил признание, стал знаменит. К настоящему времени он переведён на все литературные языки мира, по всеобщему мнению, является лучшим романом Толстого и самым читаемым русским романом вообще. По нему ставят спектакли, снимают фильмы, новые поколения читателей следят за чередующимися событиями, переживая за судьбы персонажей. Вокруг романа создалась своя литература, исследования его не прекращаются ни в России, ни за границей.

О чём роман? В нём фактически рассказаны две переплетающиеся друг с другом истории: история отношений Левина и Кити и история отношений Каренина, Анны и Вронского. Его главная интрига – любовный треугольник “Каренин–Анна–Вронский”. Считается, что прототипы героев романа уже так хорошо известны, что и дискуссий на эту тему нет. Но вот вопрос о том, какой реальный любовный треугольник послужил Льву Толстому образцом для создания треугольника “Каренин–Анна–Вронский”, никогда не ставился. А почему?

1

Между тем, такой “треугольник-образец” существует. Эта история изложена в повести Льва Мечникова “Смелый шаг”.

Повесть Мечникова (подписана “Леон Бранди”) “Смелый шаг” была опубликована в 1863 году в журнале “Современник” [1]. В том же году в “Современнике” появился и роман Н. Г. Чернышевского “Что делать?”. В центре внимания этих литературных произведений находился самый важный и обсуждаемый вопрос общественной жизни в России того времени – эмансипация женщины. Впечатление они произвели серьёзное – эти публикации “Современника” послужили причиной временной приостановки его издания. Дальнейшая судьба их различна. Роман “Что делать?” имел большой успех, в СССР многократно переиздавался, изучался в школе на уроках литературы. Повесть “Смелый шаг” со временем забылась, и даже въедливому современному читателю

неизвестна. Конечно, она оказалась хотя и в паре, но “в тени” романа Чернышевского, она несравнима с ним ни в художественном плане, ни по степени раскрытия темы. Надо также понимать, что XIX век – золотой век русской литературы – представлен настолько великими литературными произведениями, что и роман “Что делать?” в этом наследии стоит не в первом ряду. Однако же удивительным образом маленькая повесть Мечникова (50 страниц) в этот первый ряд “просочилась”, да так неожиданно и сильно, что остаётся только руками развести и для восстановления равновесия вспомнить банальную, но всегда неожиданную истину – в литературе возможно всё!

Что именно в данном случае?

2

Действие повести “Смелый шаг” разворачивается в Петербурге, в 1857–1858 годах примерно на протяжении года. Её содержание в своём отзыве лаконично изложил член Совета по делам книгопечатания, писатель И. А. Гончаров: “Молодая женщина, жена умного, честного и благородного человека, сначала любила или думала, что любит мужа, потом на его глазах и с его согласия стала сблизиться с кругом молодых людей; увлеклась студентом и после некоторой борьбы ушла к нему. И осталась у него жить. Муж с презрением махнул на неё рукой. Тут всё содержание” [4]. Так и есть. И вот главные герои повести:

Николай Сергеевич Стретнев. Серьёзный человек. Ему тридцать лет. Десять последних лет он прожил в провинции, составил себе порядочное состояние, добился общественного положения и вернулся в столицу с молодой женой. Он человек строгих правил, реалист, англоман. “Мне платят, – говорил он, – я должен, насколько хватает сил, честно и добросовестно исполнять свои обязанности, и это уже нелегко для человека, который серьёзно смотрит на дело”. Стретнев своё возрастное и умственное превосходство относительно жены вполне ощущал, иногда подтрунивал над нею, полагал, что ей необходимо общаться с молодёжью, хотя молодёжи не любил. Быть “полезным была цель его жизни, мерка всему” – вот что он любил.

Лизавета Григорьевна Стретнева. Провинциальная барышня, которая в своём “губернском захолустье” с детства привыкла считать фатальной необходимостью выход замуж, два года назад вышла замуж за Стретнева и переехала с мужем в Петербург. Она хорошенькая, у неё большие глаза и длинные шелковистые ресницы, маленькая, немного сухая ручка. Она туманно хотела счастья, жила вполне по инерции и “боялась ума своего мужа”. Единственным её желанием, выходящим за рамки повседневности, было организовать “домик для студентов” – небольшой домик, в котором поселить неимущих студентов и помогать им. Что делать ещё и ради чего, она не знала. У неё собирается молодёжь: “шумно говорили, горячо спорили, пили холодный чай”.

Богдан Спотаренко. Студент, учится в университете. Он сын степного помещика. Лошадник – первый визит на дачу Стретневых в Охте он делает на взятой напрокат “у берейтора на Галерной” лошади. Ему примерно 20 лет, он художник и герой повести именно в этом качестве. “Живописью он занимался с жаром и с успехом...”, “Работал он далеко не хорошо, но у него было много вкуса”. Родители, от которых он зависит материально, не разрешают ему оставить университет ради учёны в Академии художеств. Он жаждет продолжать занятия живописью и мечтает уехать в Италию. Для этого он пытается живописью зарабатывать на жизнь...

Между Богданом и Лизаветой Григорьевной завязывается роман. Она старше него и страшится своего чувства. Стретнев ведёт себя благородно, полностью доверяя жене. Он делит дом на две половины, позволяя Лизавете Григорьевне принимать любых гостей для интересного общения. Узнав о её измене, он с негодованием её отвергает. Отвергает и возможную дуэль. Лиза и Богдан соединяются. “У нас есть роскошь жизни нищего – любовь. А остальное как-нибудь, да будет”.

“Тем повесть “Смелый шаг” и кончается, – пишет И. А. Гончаров. – Я даже сомневаюсь, конец ли тут: надо бы было осведомиться в редакции “Современника”, нет ли в виду второй части, прежде, нежели допустить повесть в печать” [4]. Гончаров прав: повесть скорее не кончается, а останавливается.

А что “треугольник” “Каренин–Анна–Вронский”, описанный в романе Льва Толстого [6]?

Алексей Александрович Каренин. Серьёзный мужчина примерно сорока пяти лет. Государственный деятель консервативных взглядов, очень занятой, служит в министерстве. Человек известный, благородный и твёрдый в действиях, “он держался строжайшей аккуратности. “Без поспешности и без отдыха” – было его девизом”. Восемь лет назад он женился на девице Анне Облонской где-то в провинции. Значительно старше жены. Относится к ней вежливо и уважительно, хотя и подшучивает иногда. Вечером пьёт чай и на сон читает серьёзную литературу. Богат, есть свой дом в Петербурге, дача в Петергофе. Вращается в высшем обществе, и для него чрезвычайно важно соблюдение его обычаев и сохранение того положения, которое существует.

Анна Аркадьевна Каренина (урождённая Облонская). Ей примерно двадцать шесть лет. Она красива – “блестящие, казавшиеся тёмными от густых ресниц, серые глаза”, “подвижное лицо”, “румяные губы”, чёрные, везде вьющиеся волосы. У неё маленькая, сухая рука, быстрая походка и “довольно полное тело”. Есть сын Серёжа восьми лет. Жизнь её легка, понятна, протекает между визитами, театром и иными местами, где бывает высшее общество Петербурга и Москвы, и, конечно, семьёй. “Кроме ума, грации и красоты, в ней была правдивость”. Стремлений, кроме сохранения своего положения, то есть сохранения родственных связей и высокого мнения высшего света о её соответствии принятым нормам, нет. Только в имении Вронского увлеклась сельским хозяйством, “устройство больницы тоже занимало её”. Своё положение воспринимает тяжело, нервничает, принимает морфий.

Алексей Кириллович Вронский. Граф. Флигель-адъютант. Ротмистр, затем полковник. Возраст – примерно 23 года. “Презрительно начал плешиветь”, имеет усы. Любитель и знаток лошадей, “до которых он был страстный охотник”. Хороший товарищ. Довольно честолюбив, хотел бы сделать карьеру. Художник-любитель. “У него была способность понимать искусство и верно, со вкусом подражать искусству, и он подумал, что у него есть то самое, что нужно для художника. . .”

Характеристики сторон “треугольников” “Стретнев–Лизанька–Богдан” и “Каренин–Анна–Вронский” вполне определены и чрезвычайно сходны.

4

Чувство Вронского к Анне зарождается медленно, но любовь к Анне Карениной овладевает им и заставляет действовать. Чувство это взаимно. Анна “встречала Вронского и испытывала волнующую радость при этих встречах”. В свою очередь, “Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви”. Каренин что-то понимает, но откровенный разговор с Анной ни к чему не приводит, а вскоре Анна и Вронский становятся любовниками. Во время скачек, когда Вронский с лошадью падает, Анна выдаёт себя волнением. С этого начинается новая жизнь героев.

Для решения ситуации Каренин рассматривает несколько вариантов, начиная с дуэли, “хотя вперёд знал, что он ни в каком случае не будет драться”. Испытывает “презрительное равнодушие к жене”. Требуя от неё, чтобы их отношения были “такие, какие они всегда были”. Анна хочет получить развод, но оставить себе сына, в чём Каренин ей категорически отказывает.

Анна и Вронский влюблены, даже счастливы. Они путешествуют по Италии, живут в деревне. У них рождается дочь, но большой радости родителям она не приносит. Напряжённость жизни возрастает – Анна начинает принимать морфий, её страшит возможность охлаждения к ней Вронского, её посещают мысли о самоубийстве. Во время одной из размолвок она направляется к нему на подмосковную дачу, но на железнодорожной станции бросается под поезд. Вронский убит горем: “Постаревшее и выражавшее страдание лицо его казалось окаменелым” – и отправляется в Сербию воевать против турок.

В романе очевидно сильное развитие истории “треугольника”. Эта сила и определила величие романа “Анна Каренина”.

“Смелый шаг” – повесть автобиографическая, и она художественным образом запечатлела разрыв прежнего и создание нового сердечного союза, которые произошли в Италии, в городе Флоренция в 1862 году.

Флоренция была тишайшим городом, но после 1860 года – года успешного гарибальдийского похода и начала объединения Италии – оказалась как бы на культурно-географическом перекрёстке итальянской жизни. Она ожила, приобрела столичный дух, сюда устремились и гости Италии, и итальянцы. В русской культуре Флоренция 1860-х годов сыграла примечательную роль.

Здесь, в кругу русских художников, сформировавшемся на piazza della Indipendenza вокруг гостеприимной семьи пенсионера Академии художеств Н. Н. Ге (Г. Г. Мясоедов, П. П. Забелло, А. А. Бакунин, И. П. Трутнев, А. В. Даль, И. В. Штром, М. И. Железнов, А. К. Григорьев, И. П. Прянишников и др.), зародились и развились новые идеи живописи. “Спорили много, спорили с пеной у рта, не жалели ни слов, ни порицаний, ни восторгов, но всё это, не выходя из области пожеланий, кончалось мирным поглощением русского чая”, – так, по словам Мясоедова, проходили вечера в семье Ге [5]. Идеи оформились к 1870 году созданием Товарищества передвижных художественных выставок (ТПХВ), сыгравшего громадную роль в русской живописи и культуре в целом.

Вот там, во Флоренции, и находились прототипы героев повести “Смелый шаг”.

Это *Владимир Дмитриевич Скарятин*, представитель известной русской фамилии. Первоначально, как и его братья, морской офицер. Затем вышел в отставку и уехал в Сибирь. Человек педантичный, деловой, увлекался социальными вопросами, политэкономией. Англоман. Служил в Иркутске при губернаторе Енисейской губернии Н. Н. Муравьеве-Амурском, затем в Красноярске. Службу оставил и в связи с бурным развитием добычи золота в Восточной Сибири в середине XIX века заделался золотопромышленником, сколотил приличный капитал и вернулся в Петербург богатым человеком. В 1860 году издал “Записки золотопромышленника”, составившие ему известность, постепенно вошёл в журналистские круги Петербурга, сотрудничал с “Современной летописью”, “Русским богатством”. С 1862 года стал пайщиком и соредактором “Русского листка”, занял в нём главенствующее положение, переименовал через год в “Весть” и прославился: получил славу “крепостника” и “реакционера”, поскольку не разделял эйфории по поводу освобождения крестьян, а приводил практические резоны. С начала 1860-х годов жил во Флоренции, воссоединившись с женой и дочерью.

Ольга Ростиславовна Скарятинна (урождённая Столбовская). Дочь Красноярского обер-полицмейстера Р. З. Столбовского. Именно там она и вышла замуж за Скарятинна. В 1856 году у Скарятинных родилась дочь Надежда. Был и сын, но умер в первые годы жизни. Отношения с мужем складывались неровно: охлаждения сменялись примирениями, в 1860 году они, как тогда говорили, “разорвали”, и Ольга Ростиславовна со смутными мыслями о медицинском образовании отправилась в Италию. В 1860 году ей исполнилось 26 лет, путешествие отнюдь её не развеяло, Италия не способствовала никакому энтузиазму, наивные сибирские идеалы тихо исчезали, она была одна, далеко и пришла к простой мысли – лишить себя жизни из-за её никчёмности. Провидение, однако, вложило в её руку перо, она написала в Лондон А. И. Герцену и, держа про запас в шкатулке коробочку с морфием, стала ждать ответа.

Слово Герцена в те времена значило очень много. Герцен ответил:

“... Жизнь – вещь случайная, дайте ей случайно окончиться. Речь идёт не о праве человека убивать себя или нет. Этот вопрос разрешается ясно из всего воззрения моего, – а вы его знаете, иначе не стали бы писать ко мне, – но это поступок слабый, без достаточных причин. Вы искали человека; люди, встречавшиеся вам, далеко не подходили к тому искомому вашему сердца, о котором вы мечтали; вы колебались, страдали и рассердились за то, что вы спрашивали больше, чем встретившиеся люди могли дать. Вам надо было встретить энергию и ум, которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную, которая бы вас вела... Вместо этого вы постоянно играли приму, вам это опротивело, и вы хотите оставить дочь... Вы этого не сделаете, я уверен...” [3].

Переписка продолжалась недолго, но помогла: “Теперь я чувствую в себе новый прилив сил и энергии. Опять мне кажется, что я многое, многое сделаю”, – так писала Ольга Ростиславовна Герцену [3]. О своём намерении “самоубиться” она, конечно, забыла. Тем более, что события в Италии следовали одно за другим, появлялись новые люди, менялись настроения, наладились отношения с приехавшим во Флоренцию мужем.

Лев Ильич Мечников. В 1862 году ему было 24 года. Он рано начал лысеть, ходил с костылём, слыл отчаянным лошадиником. В русских кругах Флоренции он имел не только репутацию гарибальдийского офицера, вдобавок раненного в битве при Вольтурно, – он был художником, блестяще и разносторонне образованным человеком, не знал проблем в разноязычном общении и был весьма активен, в том числе и в конспиративной деятельности. “Собеседник он был крайне приятный: запас его разговора был неистощим. Он переходил от предмета к предмету с чрезвычайной лёгкостью и в данную минуту горячо отстаивал свои мнения. Мнения его менялись, как волны, одно набегало на другое, одно уносило другое, но всё же в ту минуту, когда он высказывал их, он говорил с большим убеждением. Была у него ещё одна характеристическая особенность: он находил во всём, даже в печальных и несчастных случаях жизни, комическую сторону. Он смеялся и над собой, и над другими”, – так, с лёгкой долей иронии, свидетельствовала о Мечникове (выведенном ею под именем Кречетова) Н. И. Утина-Орсини (А. Урбан) в своём романе-фельетоне “Людоедка” [7].

Мечников, обосновавшийся после выхода в отставку в Сиене, активно участвовавший там в жизни “Сиенского комитета за объединение Италии”, издававший одно время газету, регулярно навещавшийся во Флоренцию и принимал живейшее участие в жизни русской эмиграции. Во Флоренции и состоялось его знакомство с супружеской четой Владимира Дмитриевича и Ольги Ростиславовны Скарятиных.

Там, хотя и не сразу, но довольно быстро сложился треугольник “Скарятин-Ольга-Мечников”.

6

Снисходительно и внимательно относясь к жене, полагая, что ей необходимо своё, со своим кругом знакомых, общение, Скарятин разделил дом на две половины, уступив одну Ольге Ростиславовне, другую оставив себе. Ольга Ростиславовна принимала гостей, встречи были приятны, круг обсуждаемых вопросов широк. Ольга Ростиславовна была красива, пользовалась успехом у молодых людей. Чего она хотела? Чего-то, отличного от того, что давала ей размеренная замужняя жизнь.

Наиболее активным гостем оказался Мечников. Он влюбился сразу и бесповоротно. Ольга же Ростиславовна никаких оснований для взаимности не ощущала, разве что побаивалась и вида, и манер Мечникова, позаимствованных им на Ближнем Востоке и в Италии, в том числе у неаполитанской коморры. Ну, а о том, что Мечников и есть та самая “энергия и ум”, “натура сильная и изящная”, Ольга Ростиславовна ещё не догадывалась. Однако, когда боязнь проходила, полагала это рисовкой молодого человека, коего она, умудрённая опытом женщина, жалела от всей души, относясь к нему тепло и заботливо. Мечникову же тепла и заботы было мало, он влюбился и не только показывал это, но и решительно объяснился! Объяснения были отвергнуты. Он не унимался. Перелом их отношений произошёл на нервном возбуждении – в один из вечеров у Ольги Ростиславовны было несколько гостей, в том числе Мечников, и она сделала то, от чего её отговаривал Герцен, – приняла морфий. Умереть ей, конечно, не дали, воспользовавшись ситуацией, Мечников красноречиво её убедил в том, что этим поступком она покончила с прошлым, с мужем должна разойтись окончательно и соединиться с ним! А вот как это сделать, то есть какие для этого предпринять действия? “И вот тогда, – вспоминала Ольга Ростиславовна, – милый и нелепый Бакунин [Александр, художник, старший брат великого бунтаря, М. А. Бакунина. – В. Е.] придумал что-то такое, что мне даже трудно формулировать. Что теперь кажется невообразимо диким, но что тогда все мы нашли вполне разумным и естественным” [2]. Что – так и осталось неизвестным. Известным яв-

ляется результат: Лев Ильич и Ольга Ростиславовна вместе с дочерью Надеждой стали жить вместе: Флоренция, via Barbano, 2.

Через год в “Современнике” вышла автобиографическая повесть Мечникова “Смелый шаг”.

7

Параллели между треугольником “Стретнев–Лизанька–Богдан” и “Каренин–Анна–Вронский” очевидны и многочисленны: по возрастному соотношению, месту действия (Петербург, дача, Италия), по последовательности и содержанию событий. Муж – солидный, уважаемый, богатый человек, умный и консервативный, ведёт себя по отношению к жене благородно, заботливо, требует соблюдать правила, принятые в обществе, не ограничивает её, доверяет беспрекословно, содержит жену. Не любит молодёжи, пьёт вечером чай, не приемлет дуэли как способа разрешения конфликтов. Узнав об измене жены, презирает её. Жена – красивая, много моложе мужа, вышедшая за него замуж в провинции потому, что так было принято, не имеющая стремлений, томится от этого, хочет любви, но от мужа её не видит. Встречает необычного, талантливого молодого человека, отдаётся чувству, страдает. Любовник – молодой, энергичный, художник, лошадиник, честолюбивый, стремится достичь...

Откуда эти параллели?

О Скарятине Толстой, конечно, слышал, о треугольнике “Скарятин–Ольга–Мечников” наверняка знал. Слой образованных людей в России был очень тонок, сведения друг о друге передавались в нём быстро, общих знакомых можно было найти легко. Например, в осаждённом Севастополе начинающий писатель Лев Толстой читал “Севастопольские рассказы” маститому литератору Ег. П. Ковалевскому, пятнадцатилетний племянник которого, гимназист Лев Мечников, в это время сбежал из Харькова “на войну”. Хорошо знал Толстой старшего брата Мечникова, Ивана Ильича, ставшего прототипом героя рассказа “Смерть Ивана Ильича”. В рассказе при описании семьи Ивана Ильича упоминается и его брат: “Третий сын был неудачник. Он в разных местах напортил себе”. Это о Льве Ильиче, который в молодые годы нигде не мог задержаться: ни в гимназии, ни в Харьковском университете, ни в миссии по святым местам Б. П. Мансурова, ни в Русском обществе пароходства и торговли и пр.

В Италии Толстой побывал в 1857 году – в Турине и в 1860–1861 годах – во Флоренции, Ливорно, Неаполе, Риме. Здесь познакомился со многими русскими, в том числе с художником Н. Н. Ге, декабристом С. Г. Волконским, филологом А. Н. Веселовским и др. Описание им жизни Анны и Вронского в Италии предельно достоверно, а в художнике Михайлове легко угадывается Ге.

В 1862 году Толстой женился на С. А. Берс, а это значит, что вопросы создания семьи, её обустройство, особенно в начале, Толстого волновали постоянно.

Читал ли Толстой повесть Мечникова? Разумеется, читал. Не так уж много было в России литературных журналов, чтобы пропускать такой знаменитый, как “Современник”, и повесть с такой животрепещущей темой. И схема описанного в романе Толстого “Анна Каренина” “любовного треугольника” оттуда, и особенности имеет те же, что и “треугольник” в повести “Смелый шаг”: интеллектуальная деятельность мужа, его полезность обществу, холодность и спокойствие, с которым он решает проблемы “треугольника”; легкомыслие жены, испытывающей страх перед умом мужа, ищущей занятий и отдающейся чувству, и не знающей, как ей быть; молодость, энергия и напор любовника.

8

Повесть “Смелый шаг” оказала влияние не только на Льва Толстого, но и на других русских писателей 1860-х годов. Критикой этот вопрос почти не исследован, потому хотя бы, что не ставился.

Есть только одно упоминание. Давая характеристику творчества И. А. Гончарова, его биограф А. Г. Цейтлин отметил: “Оценивая появивший-

ся в 1863 г. в “Современнике” (1863, № 11) роман Леона Бранди (Л. И. Мечникова) “Смелый шаг”, в котором женщина ушла от мужа, Гончаров писал, что автор “изобразил картину увлечения, скрыв трагические последствия; а от уравновешения этих обеих сторон только и может подобный смелый шаг явиться в истинном свете. Если бы автор дал себе труд или сумел взглянуть поглубже в сердце этой женщины в дальнейшей её участи, в новом её положении, то, конечно, нашёл бы там достойный приговор её поступку”.

Легко увидеть здесь будущие мотивы “Обрыва” [опубликован в 1869 году. — В. Е.]. В отличие от Л. Бранди, Гончаров не скрывает “трагических последствий” смелого шага своей героини; всматриваясь “поглубже в сердце этой женщины”, он стремится изображением переживаний Веры осудить её поступок. Однако Гончаров не в силах наметить такой жизненный идеал, который был бы достоин его героини” [8].

Явно существуют и иные параллели — пытливому исследователю русской литературы XIX века, несомненно, доставит большое удовольствие их обнаружить.

9

Если треугольник “Каренин–Анна–Вронский” после завершения действия романа продолжения не имеет, то треугольник “Скарятин–Ольга–Мечников” с очевидностью имеет его.

Сначала о том, как сложилась судьба Льва Ильича и Ольги Ростиславовны после 1862 года? Каков был, говоря словами И. А. Гончарова, “достойный приговор её поступку”? Глядя из нынешнего времени, нельзя не поразиться вознаграждённой смелости Ольги Ростиславовны, во-первых, и поразительному дару предвидения А. И. Герцена, во-вторых: четверть века она была рядом с тем, кого Герцен (впоследствии лично знавший Мечникова и высоко его ценивший) в письме к ней назвал “энергия и ум”, “натура сильная и изящная”.

До 1864 года Мечников постоянно в движении. Он объездил всю Италию, написал и опубликовал множество статей. А так как он был республиканцем, “красным”, то монархическую Италию в конце 1864 года молодой семье пришлось покинуть и переехать в Швейцарию. Ольга Ростиславовну и Льва Ильича теперь ждало всякое, но оба они были счастливы друг другом. Бесконечные мечниковские конспирации, поездки по Европе и Африке, кругосветное путешествие, постоянное писание, создание статей, докладов, работ географических, социологических, этнографических, исторических, в том числе этапных для науки и культуры монографий (написаны по-французски) “Японская империя” (на русский не переведена) и “Цивилизация и великие исторические реки” (два перевода на русский язык, шесть изданий в дореволюционной, советской и нынешней России); чтение лекций, в том числе с “волшебным фонарём” (по-нынешнему — “презентаций”), писание стихов, повестей и всегда — на клочке бумаги, на холсте, на картонке — рисование. И рядом та, с которой единственно и было возможным всё это сделать и для которой это и делалось. Та, которая помогала, заботилась о нём и была Мечникову верным другом.

Как считала она? “Оба мы были больные, ненормальные, всю жизнь мы терзали друг друга, и вся наша жизнь была горькой, бесконечной маятой. Отчего эта маята была для нас счастьем? Отчего мы были так безгранично дороги один другому? Отчего наши жизни так слились и срослись? Отчего без этой маяты для меня весь мир опустел?” [2]... Что тут добавить?

Мечников умер в Швейцарии, в Монтрё, в 1888 году от эмфиземы лёгких. Ему было всего 50 лет. Похоронен на Кларанском кладбище, могила упразднена. В настоящее время имя и труды этого великого русского учёного, “отца” русской геополитики, постепенно, но уверенно возвращаются в русскую науку и культуру.

После его смерти Ольга Ростиславовна с дочерью и внучкой Олей переехала в Париж. Дочь, Надежда Владимировна Кончевская, повторила судьбу матери: к тому времени она с мужем разошлась, жила в гражданском браке с Леонидом Эммануиловичем Шишко, человеком очень ярким, интересным — народником, одним из руководителей партии социалистов-революционеров.

А что Скарятин? К тому времени он, потратив силы и средства на издание

газеты и пропаганду своих взглядов на реформы, в этом не преуспел: в 1870 году газета “Весть” прекратила своё существование. Ушло и богатство. Что происходило с ним далее – неизвестно, но в итоге он также оказался в Париже. Известный русский литератор Л. Н. Пантелеев сообщал о нём: “В 90-х гг. Скарятин перебрался к Кончевской и, таким образом, опять очутился под одной кровлей со своей первой женой. Оставаясь прежним Скарятиным, он, однако, крайне привязался к Шишко, так, что за обедом и чаем их всегда вместе садили” [9].

Так и закончилась история “треугольника” “Скарятин–Ольга–Мечников”.

А началась она с того, что в 1862 году в славном городе Флоренции Ольга Ростиславовна Скарятинна, жена богатого издателя Владимира Дмитриевича Скарятинна, сделала “смелый шаг” навстречу влюблённому в неё Льву Ильичу Мечникову.

А затем история проросла в великий роман, опубликованный 145 лет назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бранди Леон. Смелый шаг. // Современник. Спб, 1863. № 11. С. 5–56.
2. Воспоминания О. Р. Мечниковой о муже Л. И. Мечникове. ГАРФ, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 88.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 27. М., Наука, 1965. С. 94–96.
4. Евгеньев-Максимов В. Е. Последние годы “Современника”. Л., Художественная литература. 1939.
5. Мясоедов Г. Г. Письма. Документы. Воспоминания, М., 1972.
6. Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., Правда, 1962.
7. Урбан А. Людоедка. Очерк о русских, празднующихся за границей. // Дело. № 9, 10. 1874.
8. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., АН СССР. 1950.
9. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958.